

ГЛАВА 33. МУКА НОВОГО ОБЛИЧЬЯ

Когда Лу Цзи собрался спускаться с горы, Янь Хуайлина охватило беспокойство.

Несмотря на недетскую рассудительность, тот оставался лишь ребёнком. Встретясь ему на пути лиходеи, Янь Хуайлин не был уверен, что мальчик сумеет за себя постоять.

— Брат Янь, не извольте беспокоиться. Лу Цзи вернётся в целости и сохранности, проблем не доставит! — звонко выкрикнул юноша и, прежде чем отправиться в путь, трижды торжественно пообещал быть осторожным.

Пройдя пару шагов, он вдруг обернулся и мягко улыбнулся:

— Знаете, вы первый человек после матушки, кто так печётся о моей жизни.

Глядя в это сияющее лицо, Янь Хуайлин хотел было горько усмехнуться, но острая боль в разбитых чертах заставила его лишь тяжело вздохнуть про себя.

Даже бездомный пёс помнит доброту спасителя. Хуайлин не считал себя святым, но в простейших законах человеческой признательности разбирался прекрасно.

Лу Цзи проворно скрылся из виду, а Янь Хуайлин остался коротать время в пещере, терзаясь дурными предчувствиями. Сгустились сумерки. Тишина вокруг становилась всё более зловещей, и чем дольше мальчик не возвращался, тем сильнее росла тревога. Хуайлин полулежал на куске мешковины, который Лу Цзи заботливо расстелил для него, и, почти не в силах пошевелиться, сквозь густые заросли лиан у входа в пещеру взирал на одинокий серп луны.

Когда усталость стала невыносимой и сознание начало медленно соскальзывать в сон, он вдруг почувствовал на ноге странное прикосновение — холодное и скользкое.

Хуайлин нахмурился и, прищурившись, посмотрел вниз в слабом лунном свете. По его ноге, медленно извиваясь, ползла пестрая гадюка.

Кровь мгновенно застыла в жилах. Он стиснул зубы и замер, боясь даже вздохнуть. Будь он в прежней форме, пара дротиков «Яньюй-бяо» мигом усмирили бы тварь, но сейчас, безоружный и истерзанный, он не мог даже пошевелить пальцем.

Мысль о том, что он может испустить дух, так и не дождавшись Лу Цзи, вызвала в памяти образ Цзан Е.

Тот виделся ему сидящим при свете свечи и молча протирающим клинок.

«Господин Цзан...» — мысленно позвал он, и мужчина в его воображении поднял голову, сосредоточенно глядя ему прямо в глаза.

— Брат Янь!

Сонное оцепенение разорвал звонкий голос юноши.

Хуайлин вздрогнул. Перед ним стоял запыхавшийся Лу Цзи с огромным тюком за плечами. Скользнув взглядом по ногам, он заметил, что змея уже исчезла.

Заметив его взгляд, Лу Цзи поспешно пояснил:

— Брат Янь, не пугайтесь, я уже прихлопнул эту гадину. У меня есть сухари, но если захотите свежатинки — можем ободрать её и зажарить на углях, будет вполне съедобно!

Видя ворох свертков, Хуайлин не удержался от тревожного вопроса:

— Ты не встретил людей Дун Хуана?

Лу Цзи серьёзно покачал головой:

— Не беспокойтесь, я покупал всё в разных лавках. Один человек с такой охапкой добра в руках точно бы привлёк внимание. А когда брал лекарства, специально набрал всякой ерунды для отвода глаз: и слабительное, и мази для девиц из чайных домиков, и...

Слушая, как мальчишка перечисляет свои покупки, Янь Хуайлин почувствовал невольное восхищение.

— Ты даже знаешь, какие снадобья покупают женщины в покои?

— Ну да. Матушка, когда болела, часто не могла подняться с постели, вот я и бегал в аптеку. Рецепты я запомнил крепко, так что обвести вокруг пальца пару-тройку лекарей для меня не составит труда.

Хуайлин окончательно отбросил мысли о том, что за этого сорванца стоит переживать. В минуту опасности этот малец оказался куда осмотрительнее его самого.

Лу Цзи один за другим доставал аккуратные свертки, пока внимание Хуайлина не приковал крайний мешочек из грубой ткани, сквозь который проступила кровь. Поначалу он решил, что это мясо с рынка, но от мешка исходил тяжелый, дурно пахнущий дух, который невозможно было игнорировать.

— Лу Цзи, — Хуайлин указал взглядом на окровавленный сверток. — Что это?

В глубине души он уже догадывался об ответе, и лицо его посуровело.

Лу Цзи неловко почесал затылок и сокрушённо вздохнул:

— Брат... я всё-таки... раздобыл для вас лицо.

Развязав тесемки, мальчик развернул ткань, обнажая мертвенно-бледную кожу.

— Кто этот усопший? — тихо спросил Хуайлин.

— Звали его Цяо Хун... Я знал, что вам будет жаль этого беднягу, поэтому сегодня специально побродил по городу, поспрашивал. При жизни он был нищим, побирался за воротами Гуаньчжоу. Где его дом и есть ли родня — того не ведаю... Один старый попрошайка признал его, сказал — Цяо Хун. Умер от голода совсем недавно, никто и не помог...

Хуайлин больше ни о чём не спрашивал.

Он долго и молча смотрел на эту бледную маску, а затем, преодолевая слабость, попытался приподняться.

— Брат Янь! — Лу Цзи бросился к нему, желая поддержать, но Хуайлин резким жестом велел ему отойти.

Стиснув зубы от невыносимой боли, он пядь за пядью приподнимал своё тело, пока не сумел опуститься на колени. Лу Цзи видел, как сквозь бинты на ногах снова проступила свежая кровь, и хотел было вмешаться, но, встретив суровый и благоговейный взгляд названного брата, замер на месте.

Янь Хуайлин склонился перед мёртвой кожей в глубоком поклоне. Кровь с его лба отпечаталась на земле.

— Брат... — прошептал Лу Цзи.

— Почтенный, — с трудом дыша, заговорил Хуайлин, медленно выпрямляясь, — мы были чужими друг другу, но мне суждено забрать твой облик, дабы спасти свою жизнь. В этом мире я задолжал тебе слишком много, и нет у меня сил отплатить. Прошу, если дух твой слышит меня — прости за содеянное.

Лу Цзи лишь горько вздохнул.

— Коль суждено нам встретиться в будущей жизни, Янь Хуайлин станет твоим верным слугой и покорным волком. Ныне же я не знаю, где твоё родовое гнездо, но клянусь — сделаю всё, что в моих силах, дабы упокоить твои кости по чести.

Закончив речь, Хуайлин из последних сил отвесил ещё несколько поклонов. После последнего он так и не поднялся. Лу Цзи в испуге бросился к нему и обнаружил, что тот лишился чувств.

С перепуганным воплем мальчик уложил Хуайлина поудобнее и принялся готовиться к пересадке.

Разведя костёр, Лу Цзи достал купленные снадобья, мази и притирки, тщательно обрабатывая изуродованное лицо Хуайлина. Чтобы кожа Цяо Хуна не начала гнить, он бережно очистил её специальным составом.

Затем, накрыв ладонью лицо раненого, он прочел «Заклятие Пленения Души», чтобы тот не пришел в сознание от нестерпимой боли во время работы.

Когда всё было готово, он приложил маску Цяо Хуна к лицу Хуайлина. Очертания их голов были схожи, но во многом не совпадали, и Лу Цзи приходилось действовать иглой и нитью, стараясь добиться хоть какого-то подобия естественности. Его движения были грубыми, а познания в медицине — скудными; он полагался лишь на то, что когда-то подсмотрел в семейной клинике, пытаясь соединить ткани и восстановить ток меридианов.

К счастью, чужая кожа не была отторгнута телом Хуайлина. Лу Цзи тяжело выдохнул.

Завершив труд, он взгляделся в это новое, чужое лицо. На душе стало невыносимо тоскливо. Простая пересадка могла лишь закрыть страшную рану, но не вернуть лицу былую подвижность — Лу Цзи понимал, что не в силах оживить эти черты, сделать их естественными.

Будь на его месте хоть один из легендарных лекарей Ушуа, лицо Янь Хуайлина было бы спасено, а швы затянулись бы бесследно. Впервые в жизни Лу Цзи горько пожалел о том, что плохо учился.

Хотя в столице о его старшем брате судачили как о распутнике, не знающем стыда и вечно ищущем приключений, Лу Цзи знал: на самом деле брат Янь — человек редкой душевной щедрости.

Охраняя сон больного, Лу Цзи сам не заметил, как задремал, и проснулся лишь на рассвете под щебет птиц. Повернув голову, он увидел, что Хуайлин уже очнулся и пристально смотрит на него.

— Ох, брат Янь, — Лу Цзи мигом оказался рядом. — Вы пришли в себя? Вам что-нибудь нужно?

Хуайлин поднял руку, глядя на свои ладони, замотанные бинтами, словно коконы, а затем осторожно коснулся нового лица.

— Ты... ты уже сделал это, верно?

Лу Цзи молча кивнул. Лицо Хуайлина оставалось неподвижным, словно застывшая маска, но юноша понимал: это не холодность, а лишь несовершенство его врачебного искусства, превратившее живого человека в подобие изваяния.

— Где тело Цяо Хуна?

— Я перенес его на задний склон горы и похоронил у подножия, — ответил Лу Цзи. — Раз мы не знаем, откуда он родом, я решил, что он не обидится, если упокоится здесь, у стен города, где прожил почти всю жизнь.

Хуайлин промолчал. Некоторое время он лежал неподвижно, а затем начал подниматься.

— Брат!

— Веди меня к Цяо Хуну.

— Но вы сейчас...

— Ничего.

Хуайлин с трудом передвигал израненные ноги, пытаясь выпрямиться, но пошатнулся и едва не рухнул. Лу Цзи подхватил его под руку.

— Брат Янь, не упрямитесь, позвольте мне сходить вместо вас...

— Нет, — Хуайлин решительно покачал головой. — Я должен пойти сам.

Не в силах переспорить его, Лу Цзи накинул на плечи Хуайлина белый халат, натянул глубокий капюшон и осторожно повел шатающегося мужчину из пещеры.

Замотанный в бинты, Янь Хуайлин походил на мертвеца, восставшего из могилы. Он отвергал любую помощь, упрямо ковыляя по горной тропе и преодолевая жгучую боль в каждом суставе. Порой каменистая тропа становилась слишком крутой, Хуайлин падал, но едва Лу Цзи бросался на помощь, он гневно отсылал его прочь, поднимаясь самостоятельно.

Путь от середины горы до её подножия был недолгим, но для Хуайлина он растянулся с утра до

самой ночи. Лу Цзи понимал состояние брата, а потому лишь тихо следовал за ним, не понукая, пока они не достигли могилы. Увидев деревянную дощечку, которую Лу Цзи вкопал в землю, Хуайлин опустился на колени.

— Друг, — негромко произнес он, — когда я узнаю, где твой дом, я непременно перевезу тебя туда и упокою твои кости в родной земле.

Отдав последние поклоны, Хуайлин обернулся к Лу Цзи:

— Лу Цзи, в эти дни я стал для тебя обузой. Спасибо тебе.

Юноша поспешно замахал руками:

— Что вы, брат Янь! Это мой долг.

— Ты мне ничего не должен, какой уж тут «долг»? Теперь я твой должник, — отрезал Хуайлин.

— Прошу, не говорите так!

Хуайлин продолжил:

— Лю Сямин похитил моё лицо, разрушил мою славу... этот долг я намерен взыскать сполна. Но сейчас я бессилен, и это гложет меня.

— Не терзайте себя, — мягко сказал Лу Цзи. — Сейчас главное — залечить раны. Вы упоминали, что вместе с золотым гвардейцем Цзаном из Ваньлина искали книгу лекарей Ушуа. Удалось ли что-нибудь? Если вы встретили кого-то из мастеров Ушуа, я отведу вас к ним, они смогут довершить починку вашего лица.

— Не нужно, — покачал головой Хуайлин. — Ты и так сделал всё, что мог. Мои силы на исходе. Даже если найду великого врача, на восстановление уйдут месяцы, а у меня нет ни дня в запасе. Лю Сямин прикрывается моим обликом, чтобы творить беззакония от имени Чёрного Гуся. Если я не остановлю его, небеса мне не простят.

Лу Цзи хотел было возразить, но, видя непреклонность в глазах брата, осекся. Поразмыслив, он спросил:

— Если вы намерены искать подделку, то под каким именем выступите?

Янь Хуайлин задумался. Он посмотрел на своё изувеченное, обмотанное тряпицами тело.

Лу Цзи взглянул на могилу Цяо Хуна, и его осенило:

— Брат, а что если вам взять имя Янь Хун?

— Янь Хун? — Хуайлин нахмурился. — Боюсь, это осквернит память господина Цяо.

— Вовсе нет! — горячо возразил Лу Цзи. — Вы учились в школе Тайянь. Я слышал, там есть техника «Хунъянь Линьмэнь» — «Дикий гусь у порога». Возьмите иероглиф «Хун» оттуда — это и дань памяти Цяо Хуну, и связь с вашим прошлым. Разве не идеальное сочетание?

Хуайлин долго смотрел на надгробную табличку, прежде чем тихо ответить:

— Пусть будет так.

Они вернулись в пещеру и отдыхали весь следующий день. Назавтра Лу Цзи спустился в город и обнаружил там столпотворение: люди в масках призраков и ярких одеждах наполнили улицы. Он вспомнил, что близится Праздник освобождения призраков. Не раздумывая, он накупил масок и праздничных нарядов. Нацепив ярко-красную личину свирепого демона, он бесстрашно зашагал обратно в горы. Его появление в пещере застало Хуайлина врасплох.

— Брат! Посмотрите, как я хорош! — Лу Цзи, сияя глазами сквозь прорези маски, весело закружился на месте.

Вспомнив о празднике, Хуайлин едва заметно улыбнулся. Мышцы лица почти не слушались его, и эта улыбка отразилась лишь легким движением уголков губ.

— Похоже, в городе и впрямь весело.

— Ещё как!

Янь Хуайлин невольно задумался о планах Лю Сямина. Тот прекрасно изучил повадки Чёрного Гуся. Если он хочет разыграть свою роль безусловно, то наверняка нанесёт удар именно в разгар празднеств.

Вопрос лишь в том — кого он выберет жертвой?

Хуайлин помнил свои прежние правила: когда-то он грабил богатых, чтобы помочь бедным, но позже его поступки стали хаотичными. Чем более редким и ценным был предмет, тем выше была вероятность, что он станет его целью. Он жаждал того краткого мига славы и восхищения в глазах толпы.

Но предугадать действия Лю Сямина теперь было непросто. Тот действовал наперекор всякой логике, и даже настоящий Чёрный Гусь мог оказаться в тупике.

Вспомнив, что Лу Цзи упоминал об отлучке самозванца, Хуайлин спросил:

— Лу Цзи, ты не слышал, куда именно отправился Лю Сямин в моём обличье?

Мальчик на мгновение задумался, припоминая:

— Подробностей не знаю, но вроде бы речь шла о городе Цибу, что неподалёку от Гуаньчжоу... А вот зачем он туда поехал — того не ведаю.

— Цибу? — переспросил Янь Хуайлин. — Сейчас земли Тайянь охвачены огнями праздника, и в Цибу наверняка не менеелюдно, чем в столице. Если выступим сейчас — ещё успеем.

— Но брат... ваши раны ещё слишком свежи, как вы вынесете дорогу?

— С ранами справлюсь. Под плащом и маской сойду за калеку, это поможет не привлекать внимания. Куда сложнее будет выбраться из Гуаньчжоу. Лю Сямин наверняка знает о нашем побеге и перекрыл все заставы. Нам придётся пошевелить мозгами.

Лу Цзи немного помолчал, а затем уверенно произнёс:

— Не беспокойтесь, брат. У меня есть одна задумка.

<http://bllate.org/book/17493/1714536>